

ЗОНА КОНТАКТА ПРОБЛЕМЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ВИЗАНТИНИСТИКЕ

Арутюнова - Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994. 236 с.

Balivet M. *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque.* Istanbul, 1994. 250 p., Index.

Проблема взаимоотношений между различными цивилизационными типами в истекающем столетии стала одной из наиболее интенсивно изучаемых проблем. Попытки создания некоей типологии межцивилизационных контактов предпринимаются во многих областях гуманитарного знания. Тематика межконфессионального и межцивилизационного диалога интенсивно обсуждается на многочисленных конференциях, создаваемых организациями гуманитарной, экуменической и интеграционной ориентации.

Едва ли не самой благодатной почвой для подобного рода исследований является история Византии – государства, впитавшего в себя многообразный опыт богатейших культурных традиций средиземноморского региона. Современная византистика не чужда проблеме межцивилизационных контактов¹, но она чрезвычайно скупа на обобщающие концептуальные исследования на эту тему. До последнего времени самым заметным трудом, посвященным не столько каталогизации фактов, сколько реконструкции смыслов культурной трансформации, оставалась монография Д. Оболенского “Византийское содружество наций” о византийско-славянском культурном симбиозе².

Однако в последние годы в византистике наблюдается несомненный всплеск интереса к проблемам взаимных влияний³. В данном обзоре я намерен рассмотреть два, на мой взгляд, самых значительных труда в этой области, несколько предшествовавших по времени нынешнему всеобщему интересу к теме и в какой-то мере его предопределивших – монографии филолога и историка В.А. Арутюновой-Фиданян и византиста и тюрколога М. Баливе.

Монография В.А. Арутюновой-Фиданян явилась концептуальным итогом серии частных исследований автора в сфере византийско-армянских отношений, а также дальнейшим развитием идей ее предыдущей книги, открывшей для современной науки и описавшей феномен культуры армян-халкидонитов (т.е. православных армян)⁴. Как указывает автор в предисловии, разработка частных вопросов привела ее к гипотезе

³ К примеру, в ноябре 1997 г. в Университете Страсбурга (Франция) прошла очередная 7-я сессия авторитетного colloquium “Symposion Byzantinon”, посвященная взаимоотношениям Византии и Азии; 32-й Весенний симпозиум британских византистов в Суссексе (март 1998 г.) был посвящен проблемам культурной инаковости в Византии; в Институте всеобщей истории в июне 1997 г. прошла конференция “Иностранцы в Византии”; в том же институте подготовлен к печати сборник статей “Византия между Западом и Востоком” (под ред. Г.Г. Литаврина), целиком посвященный взаимоотношению Византии с ее соседями; в Dumbarton Oaks, признанном центре американской школы византистики, в мае 1998 г. прошла конференция “Constantinople: the Fabric of the City”, значительная часть докладов на которой касалась иноземных влияний на жизнь столицы империи и цивилизационной трансформации Константинополя в турецкий Стамбул.

⁴ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.

¹ Напомним в этой связи, что XIX Международный конгресс византистов был посвящен внешним культурным влияниям на Византию (Byzantium, Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Major Papers, Abstracts / Ed. by K. Fledelius. Copenhagen, 1996).

² *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. L., 1971. Русский перевод монографии: Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

о существовании уникального цивилизационного типа в зоне контакта византийского и армянского субстратов, слияние которых породило абсолютно новые общественные и ментальные структуры. Описанию этого нового цивилизационного типа и посвящена монография.

В первой главе “Социально-административная структура контактной зоны” дается скрупулезный анализ общественных институтов на армянских территориях, завоеванных Византией в X–XI вв. Богатый материал источников, виртуозно проанализированный автором, неоспоримо свидетельствует о том, что классическая фемная структура Византии, трансплантированная на традиционные армянские институты, под их воздействием претерпевает коренную метаморфозу. Происходит сложение принципиально нового административного порядка, базирующегося на сложном сочетании имперских административных округов и территорий полунезависимых армянских, арабских и греческих владетелей. Сами византийцы отчетливо ощущали новое качество этого порядка и избегали называть административные районы византийской Армении “фемами”, предпочитая именование “хоры”. Стандартное греческое слово со значением “земля, страна”, применительно к Армении в эту эпоху, приобрело значение административного термина (с. 14–53).

Вторая глава “Этноконфессиональная ситуация” содержит новаторскую реконструкцию этнокультурных структур в армянских зонах под византийским владычеством. Армянские области Тарон, Васпуракан, Тайк, Ширак, оказавшиеся под властью Византии, были до XI в. населены по преимуществу армянами; греческое, иранское, курдское, картвельское и семитское население было тут очень малочисленным. Более того, в период византийского владычества происходит значительная миграция армян на территорию Византии, за пределы исторической Армении, в результате чего армяне стали даже преобладать в некоторых районах византийской Малой Азии. Вместе с тем,

имела место и встречная переселенческая волна – в Армении резко выросла численность греческих этнических анклавов. При этом, как показывает автор, нет данных о какой-либо *намеренной* “эллинизации Армении”, которая, по мнению ряда исследователей, якобы проводилась Византией.

Собственно армянское население не было культурно и конфессионально однородным. В результате объединения с Византией усилилась роль армян-халкидонитов в противовес армянам-монофизитам, которые все более отодвигались в тень. Православие не было чуждо армянам и прежде, но именно теперь православный вариант армянской культуры достиг своего расцвета. Автор отмечает особую открытость православных армян для интеркультурного информационного обмена, способствовавшего значительному расширению их интеллектуального горизонта. Языками богослужения были у них греческий или грузинский, они активно обращались к богословской и светской литературе на этих языках, как и на сирийском. Вместе с тем, православная армянская среда сохраняла и собственно армянские литературные традиции. В эпоху византийского владычества происходил массовый переход армян в православие. Византия, естественно, сознательно опиралась на православных армян в проводимой ею здесь административной политике (с. 54–92) и поощряла дальнейшее укрепление православия в Армении.

В обширной третьей главе монографии «Армяно-византийская контактная зона в зеркале армянской историографии. Эволюция “образа Византии”» (с. 93–150) предпринята попытка выявить трансформацию ментальных структур, вызванную встречей армянского и греческого начал. Для армянской исторической мысли в конце X – начале XI в. представлялось совершенно естественным пребывание армянских земель в составе Византии. Однако в период распада армяно-византийской контактной зоны (с началом тюркских завоеваний в Передней Азии в XI в.) армянское сознание освобождается от ви-

зантийских идеологом, и Византия постепенно вытесняется из армянского культурного поля. С конца XI – начала XII в., после окончательного крушения контактной зоны, образ Византии – во всех его аспектах: государство, этнос, конфессия, идеология – резко негативизируется, упадок контактной зоны повлек за собою выход Армении за пределы ориентированного на Византию культурного пространства.

Несомненным достоинством исследовательского подхода в этой главе является привлечение современных методик реконструкции “образа чужого”, столь редкое в византинистике. Автор уверенно вводит армянский и византийский материал в пространство современной аллологии (с. 93–94). В.А. Арутюновой-Фиданян удалось дать не только синхронный срез образа Византии в армянском сознании, но и достоверную версию его трансформации во времени.

В целом монография В.А. Арутюновой-Фиданян явилась первой успешной попыткой теоретической интерпретации византийско-армянских отношений в X–XI вв. Детально препарированы процессы постепенного отождествления армянского субстрата с господствовавшей греко-византийской цивилизационной стихией, ход культурного “примирения” двух начал, возникновения “эллинского акцента” в самоидентификации армян X–XI вв. История армянской культуры приобретает новую рельефность, творческую противоречивость и динамичность. В книге впервые в мировой историографии обрисована прежде не замечавшаяся в науке перспектива, которая встала некогда перед армянской культурой: владычество в Армении византийцев, опиравшихся на армян-халкидонитов, вело несомненно ко все большей маргинализации монофизитской армянской общины. Монография ставит важный вопрос, каков был бы магистральный путь развития армянской культуры, продлись византийская власть еще некоторое время?

Закреплению армянской культуры в русле православия не суждено было сбыться. В XI в. Армения, а вскоре и большая часть Анатолии были покре-

ны новыми завоевателями, пришедшими из степей Средней Азии – тюрками-сельджуками. Проблема взаимоотношений пришельцев-тюрков и автохтонного населения Анатолии решается в другой книге, речь о которой пойдет ниже.

* * *

Монография “Византийская Романя и тюркские земли Рума” принадлежит перу известного французского историка Мишеля Баливе. В центре исследования находится примерно то же географическое пространство, та же “контактная зона” (Анатолия, Кавказ, Сирия), но исследуется она через призму византийско-тюркских отношений уже в следующую эпоху, в XI–XV вв.

В отличие от проблематики армяно-византийских отношений, тема Византии и тюрки до последнего времени представлялась давно решенной в современной византинистике. Классическую и поныне господствующую теорию византийско-тюркских отношений выдвинул в 1971 г. американский ученый греческого происхождения Спирос Врионис в своей монографии “Упадок средневекового эллинизма и процесс исламизации в Малой Азии с XI по XV в.” и в ряде последующих статей⁵. Освоение византийской Анатолии тюрками рассматривается Сп. Врионисом как следствие тюркского завоевания, которое обусловило на покоренных землях два параллельных процесса – частичную деэллинизацию и депопуляцию территорий в результате номадизации значительной части Анатолии, а также исламизации греков, оставшихся под властью тюрков. Деэллинизация и исламизация как два связанных процесса, детально проанализированные Сп. Врионисом, признаются в современной науке основными движущими силами в освоении тюрками византийского мира. Кон-

⁵ Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley (Cal.), 1971; *Idem*. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71.

цепция Сп. Вриониса, таким образом, закрепляет за тюрками статус *внешней* по отношению к византийскому миру силы, разрушительные для эллинизма потенции которой реализовывались почти исключительно через *открытое насилие*.

Исследование М. Баливе переносит византийско-тюркскую проблематику в иную совершенно неожиданную плоскость. В предисловии к книге (с. 1–6), концептуально насыщенном, М. Баливе формулирует свои задачи и цели. Центральная тема книги – проблема замещения одной цивилизации другой в результате встречи цивилизаций византийцев-христиан и среднеазиатских тюрков. Как поясняет М. Баливе, в ходе контактов с мусульманским миром (как и с латинским Западом), сама Византия претерпевала, хотя и скрытые, но несомненные перемены, равно как эволюционировали и тюрки, занявшие завоеванное ими “римское” (т.е. византийское) географическое пространство. Это обоюдное преобразование происходило в направлении исчезновения наиболее непримиримых между обоими мирами противоречий. Таким образом, главная цель книги Баливе – исследование того, как на протяжении веков обе стороны изменяли друг друга. Взаимное изменение культур следует учитывать при исследовании истории формирования “полиэтнического стиля жизни”. Систематические разыскания в этой области могут стать принципиально новым вкладом в конфликтологию.

Такого рода разыскания предполагают наличие двух необходимых подходов: первый, “бихейвиористический”, который состоит в исследовании типов мирных согласий, нормативных или исключительных в соответствии с конкретным случаем; второй – по большей части “психоаналитический”, посредством которого пытаются извлечь потаенные мотивации, скрытые механизмы отношений межгруппового взаимодействия, чаще всего противоречащие официальному и эксплицитным нормам и канонам. Таким образом, подобно исследователям классической “Школы Анналов”, М. Баливе предполагает об-

ратиться по преимуществу к изучению взглядов “молчаливого большинства”, непосредственных субъектов межконфессиональных контактов, к исследованию взаимодействий на повседневном уровне – уровне индивидов.

В первой главе исследования (“*Orbis christianus* и *dar al-islam* по ту сторону конфликтов: средневековый арабо-христианский сплав [imbrication]”) М. Баливе дает обзор ранних историко-культурных предпосылок византийско-тюркского “согласия”, которые складывались в период христианско-мусульманского симбиоза в VII–XI вв. На широком фоне типологически близких примеров из истории христианско-мусульманских контактных зон в Испании, Южной Италии, на Сицилии и на латинском Ближнем Востоке автор дает очерк византийско-мусульманского культурного взаимодействия. Ближневосточные христиане в восточных и южных провинциях Византии – несториане, адепты монофизитских толков (по терминологии автора – “неимперского христианства”), – восприняли мусульманские завоевания как освобождение от обременительной власти православного Константинополя (с. 9) и скоро нашли свою нишу в мусульманском обществе, на догматическом уровне обосновав свое сотрудничество с мусульманами (с. 14–16, см. также с. 54–59). Культурная граница между миром Ислама и пространством “имперского христианства” (ближневосточных латинян и византийцев) никогда не была непроницаемой: автор приводит многочисленные факты мирного и взаимозаинтересованного обмена в сферах политики, богословия, науки, искусства, примеры присутствия иноверцев на “чужой” территории, личных контактов между иноверцами (с. 7–21)⁶. В заключении дается оригинальный и чрезвычайно интересный очерк образа христианина в суфийском мусульманском интеллектуализме (с. 21–25).

⁶ Из общих работ в этом очерке следовало бы также использовать великолепную диссертацию: *El Cheikh-Saliba N.M. Byzantium Viewed by the Arabs: PhD thesis...* Harvard Un. Cambridge, Mass., 1992.

Описанные контакты подготовили почву для византийско-тюркского сближения, умерив древний конфликт между греческой империей и уже исламизированными степняками. Развитию этой идеи посвящена вторая объемная глава – “Византийская *Rhomania* и тюркский *diyar-i rum*: политический и культурный тигель (XI–XV вв.)”. Как справедливо отмечает автор, мнение о том, что в XI в. византийцы столкнулись в лице сельджуков с совершенно новым для них противником, – глубоко ошибочно (византийцы знали о тюрках по меньшей мере с VI в.). Исследователь скрупулезно собирает воедино сведения (частью хорошо известные, частью новые и неожиданные) о тюрках на территории Византии. Особый интерес представляют его экскурсы о тюрках-мусульманах на территории империи с XI по XV в.: мусульманском населении в городах, сельской местности, торговцах в Константинополе⁷, странствующих дервишах, шпионах (с. 34–39).

Византийцы обладали достаточно подробными и в общем достоверными сведениями о тюрках-номадах, их языке и образе жизни. Нужно, впрочем, отметить, что приведенные в монографии примеры употребления византийскими авторами тюркских (а также арабо-тюркских и ирано-тюркских) слов никак не могут служить доказательством глубокого знания этими авторами тюркского языка и тюркских реалий; в большинстве случаев М. Баливе ссылается на *terminis technicis* (титуты, иные почетные именованья) – неотъемлемые атрибуты византийского образа тюрков, расхождение в рамках отдельных жанров (например, в историографическом, эпическом) и не требовавшие от авторов каких-то особых знаний для их нахождения и правильного использования. Интересными представляются разделы о греко-тюркском билингвизме и тюрках-христианах на византийской территории. Так сказать, “зеркальное” исследование

проводится в отношении греческого элемента на территориях, контролируемых тюрками (с. 39–53).

Из приведенного материала Баливе делает вывод о чрезвычайной степени интегрированности тюрков в византийскую жизнь, и греков в мир сельджуков. В частности, в качестве примеров приводятся малоизвестные греческие тексты XIII в., созданные на сельджукской территории, авторы которых упоминают как *своих* владык одновременно византийского императора и сельджукского султана (с. 45). Результатом этого византийско-тюркского взаимопроникновения явилось обоюдное культурное проникновение, ведущее к унификации обоих культурных типов. Монгольские завоевания в XIII в. лишь усугубили наметившуюся ранее изоляцию сельджуков Рума от арабо-иранского Востока и еще более приблизили их к Византии (с. 53).

Развивая мысль о сокращении культурной дистанции между анатолийскими христианами и тюрками, автор обращается к феномену политической *туркофилии*, центральному для понимания восточно-христианского сознания в его отношении к тюркам, до сих пор не ставшего предметом серьезного осмысления в науке. В этой связи вводится во многом оригинальный экскурс в историю яковитов, армян и поздних павликиан в Восточной Анатолии, Сирии и на Кавказе в XI–XIII вв.⁸ Автор показал их открытость к политическому и даже конфессиональному контакту с тюрками в силу их антигреческих и антилатинских настроений и надежд на обретение политической и церковной автоно-

⁷ Здесь следовало бы добавить материалы из статьи: *Necipoglu N. Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of the Fifteenth Century // Byzantine and Modern Greek Studies. 1992. Vol. 16. P. 158–169.*

⁸ Здесь, вероятно, следовало бы добавить результаты исследований В.А. Арутюновой-Фиданян о православных армянах, о присутствии которых в регионе М. Баливе, как кажется, и не подозревает (см. выше). Идеи М. Баливе относительно глубины и интенсивности армяно-тюркских контактов могут быть подкреплены неизвестным нашему автору антропонимическим исследованием Н.Г. Гарсоян (*Garsoïan N.G. Notes préliminaires sur l'anthroponymie arménienne du Moyen Âge // L'anthroponymie. Document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux. Actes du colloque international... Rome, 1996. P. 227–239.*

мии (с. 73). В греческом обществе, помимо других социальных делений, было явно обозначено субэтническое разделение на “европейских/западных” (Балканы, Константинополь) и “азиатских/восточных” (Анатолия) византийцев, причем, анатолийцы нередко рассматривались первыми как близкие по образу мысли и обычаям с народами Востока – с арабами⁹, тюрками. Во внутриполитической борьбе практически все соперничающие за власть группировки византийцев охотно и привычно пользовались услугами тюрков (с. 73–81).

Далее, сквозь призму конструируемой типологии византийско-тюркских взаимоотношений, дается сжатый очерк политических коллизий в регионе в XIII–XV вв. Автор обосновывает следующий столь же неожиданный, сколь и убедительный тезис: в треугольнике политического соперничества между Византией, латинянами и Сельджукидами Рума византийцы и тюрки оказываются противостоящими вместе западному христианству. Антислатинский блок греков и тюрков становится более прочным после захвата крестоносцами в 1203–1204 гг. Константинополя. Начиная с основания Никейской империи в Малой Азии¹⁰ латиняне даже именуют

византийцев “белыми агарянами”, т.е., как поясняет автор, “европейскими мусульманами”, приводятся и другие не менее выразительные высказывания подобного рода Петрарки и Бертрандо-на де ла Брокьера (с. 81–87).

Следующий этап византийско-тюркского сближения начался с появлением в Малой Азии новой волны тюрков – кочевников-туркменов, вытесненных из Центральной Азии нашествием монголов. Если по концепции Сп. Вриониса (см. выше), появление туркмен в Анатолии нанесло последний смертельный удар по эллинизму в регионе, то по М. Баливе – оно углубило унификацию византийского и тюркского субстратов: кочевники были чрезвычайно веротерпимы и восприимчивы¹¹: отдельные их племена исповедовали тюркский шаманизм, буддизм, несторианство, православие, а некоторые из племен были “атеистичны”, не признавая никакого божественного начала. Открытость этих тюрков к восприятию нового цивилизационного опыта и их военно-политические успехи в Анатолии и на Балканах в XIV в. обусловили нарастание интереса к ним со стороны византийцев. Осведомленность “ромеев” о тюркском мире, их личные связи с ними в XIV в.,

⁹ В отрывке о гипотетических “мусульманских корнях” византийского иконоборчества и “сарацинстве” императора Льва III (717–741) М. Баливе делает серьезное упущение – им не учтена работа, посвященная идентификации советника Льва III Бесера/Бешира, на которого византийская традиция возлагает большую долю вины за победу иконоборчества в империи и который долгое время считался в науке скорее легендарной личностью (*Griffith S.H. Bashir/Beser: Boon Companion of the Byzantine Emperor Leo III // Le Muséon. 1990. Vol. 103 (3–4). P. 293–327.*)

¹⁰ При рассмотрении никейско-сельджукских отношений необходимо учитывать работы П.И. Жаворонкова (У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30–37; Он же. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–61) и монографии Дж. Лэнгдона (*Langdon J.S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. New York, 1922*), содержащие факты, отчасти подтверждающие, а отчасти и корректирующие основной тезис М. Баливе.

¹¹ В качестве подтверждения девиантности этих тюрков для их мусульманского окружения М. Баливе упоминает об их пристрастии к вину (с. 90, а также с. 101). Но вряд ли здесь можно согласиться с автором: питье вина, особенно в высших слоях общества и при дворах властителей на мусульманском Востоке было неискоренимым. Достаточно вспомнить дневник найправовернейшего султана Захир ал-Дина Бабура, могольского завоевателя Индии (XVI в.), в котором содержится откровенный рассказ, полный одновременно отчаяния, раскаяния и надежды на Божию помощь, о том, как султан боролся со своим пристрастием к вину. Отметим, что Бакур многие годы пил вино отчетливо осознавая, что нарушает этим мусульманские нормы. Судя по тем физическим и душевным мучениям, которым подверг себя Бакур отказавшись от вина, могольский султан, похоже, страдал в той или иной мере алкоголизмом (*Захириддин Бакур. Бакур-наме. Ташкент, 1993. С. 307, 350*). О питье вина на Ближнем Востоке в эпоху халифата см. главы “Двор”, “Нравы” и “Праздники” в классической книге: *Мец А. Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем. Д.Е. Бертельса. М., 1966.*

равно как и тюркское этническое присутствие в византийском обществе выходили на новый уровень. Особенно красноречивые примеры, византийско-тюркской амальгамы дает история Трапезундской империи на Понте¹² и интересный раздел о полунезависимом городе-государстве в Западной Анатолии Филадельфии (с. 89–109).

В третьей главе “Византийская *Rhomania* и тюркский *diyar-i rum*: дух религиозного согласия (XI–XV вв.)” носит выражено новаторский характер. Делается попытка выявить “тюркизирующую” трансформацию в сознании византийца-индивида на примерах ряда выдающихся личностей поздневизантийского периода. В качестве примера берутся император Иоанн Кантакузин (1295–1383), известный своей протюркской ориентацией в политике, и Мануил II (1350–1420), традиционно воспринимаемый историками как последовательный противник тюрков. М. Баливе в наименьшей степени интересуется ситуационной политической ориентацией своих героев, он реконструирует их, мы бы сказали, “контекстное сознание”, под-лежащее их конкретным решениям, действиям или высказываниям. Убедительно показано, что василевсы Иоанн и Мануил являлись носителями глубокого, многообразного и, главное, точного знания о своих тюркских соседях (с. 113–130).

Далее автор пытается обнаружить признаки компромисса в религиозной мысли Византии. Касаясь весьма болезненной темы массовых обращений христиан в мусульманство на завоеванных тюрками территориях в XIII–XV вв., он дает детальную мотивационную и ситуативную подоплеку скорой исламизации бывших византийских территорий: церковная организация на тюркских территориях претерпевает глубокий ор-

ганизационный кризис; клир стремительно “варваризуется”, перенимая язык и обычаи завоевателей; церковные иерархи либо вынужденно, либо добровольно сотрудничают с мусульманскими властями (один из примеров – монастыри Афона, признавшие верховную власть османов еще в 1423 г.); с другой стороны, христианское население широко вовлекается в межэтнические браки, мусульманство для них привлекательно как средство достижения социального успеха; дехристианизации способствует отчасти и доктринальный “пацифизм” христианства (с. 131–142).

На примере известного “Письма своей Церкви” святителя Григория Паламы автор дает абсолютно оригинальное освещение трансформации византийского религиозного сознания. В ходе чрезвычайно тонкого и остроумного толкования М. Баливе выделяет, в частности, “типологию тюрков” Паламы, который делил их на четыре главных типа: 1) фанатичные воины Ислама “гази”; 2) мусульмане-неофиты – обращенцы из христиан или иудеев (оба типа характеризуются как сугубо отрицательные); 3) тюркские политические вожди, обладающие глубоким интересом к вопросам христианско-мусульманской полемики; 4) религиозные вожди, способные к доктринальному компромиссу с христианством (два последних типа предстают как почти положительные). Для Паламы, в отличие от многих его предшественников, уже не существует некоего обобщенного образа тюрка. Тюрки для него – индивиды, наделенные той или иной мерой положительных и отрицательных качеств. Палама открыт для политического и догматического диалога с иноверцами. Вместе с тем “Письмо” Паламы, как и другие привлекаемые автором тюркские и греческие источники, являются свидетельством высокой степени интереса в анатолийском обществе к догматическим вопросам, особой притягательности общения с религиозными авторитетами и мистиками как для греков, так и для тюрков. Это обстоятельство, по толкованию М. Баливе, фактически свело к минимуму конфессиональные барьеры и

¹² К затрагиваемому автором сюжету о византийско-восточных связях в области астрономии следует добавить материал по крайней мере из следующих работ: *Tihon A. Études d'astronomie byzantine. Variorum Reprints. L., 1994; Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336 (Corpus des astronomes byzantins, VII). Louvain-la-Neuve, 1994.*

способствовало развитию межрелигиозных контактов (с. 154–173).

Завершающая четвертая глава монографии “*Devlet-i Osmaniye*: османское пространство исламо-христианского слияния (XV–XIX вв.)” дает футуристическую перспективу авторской концепции: здесь вкратце обрисовывается ситуация межконфессионального исламо-христиано-иудейского умиротворения и терпимости под властью османских султанов.

В заключении автор еще раз сжато формулирует свою генеральную идею: “Как мы попытались показать, эти взаимоотношения (между греками христианами и тюрками мусульманами – *Р.Ш.*) были не только враждебными; в греко-тюркской Романии / Стране Рум существовали также и тенденции к согласию и компромиссу, которые действовали, вероятно, в некоей иной плоскости – в народной, повседневной, индивидуальной, мистической. Эти тенденции часто сосуществовали в одно и то же время и в одном и том же пространстве с политической враждой, военными столкновениями, этническим, языковым и религиозным соперничеством. Эти тенденции к компромиссу, следует еще раз подчеркнуть, являются тем историческим процессом, который слишком плохо изучен и без исследования которого невозможно удовлетворительно объяснить действительную природу межобщинных отношений в тюрко-византийском, а позже – османском мире” (с. 197).

Преимущества подхода французского исследователя очевидны и неоспоримы. Ему действительно удалось проникнуть в иное измерение византиско-тюркской проблематики по сравнению с господствовавшей до сих пор и отнюдь не утратившей значения концепцией Сп. Вриониса. Прочность власти тюрков в Анатолии обуславливалась несомненно также и взаимоотождествлением греческого и тюркского субстратов. Теми же унифицирующими трансформациями следует, вероятно, объяснять долговременные последствия тюркской оккупации Средней Азии и Ирана, как и германских завоеваний

на романских или славянских землях или же арабского завоевания в Средиземноморье и в Иране. Конечно, эти режимы жиздились, помимо всего прочего, на некоем взаимном уподоблении завоевателей и завоеванных.

Однако этой в целом убедительной концепции несколько не достает исчерпывающей понятийной проработанности, редукции ее до первоначального структурного уровня элементарных понятий. Поясню сказанное на нескольких существенных примерах. Во-первых, укажу на наиболее важное умолчание автора: говоря о тюркском и “мусульманском” цивилизационном субстратах, М. Баливе, как видно, целиком их отождествляет, следуя традиционным подходам как в тюркологии, так и в византистике. Между тем, мы сталкиваемся здесь с проблемой, пока не нашедшей разрешения в историографии и, может быть, даже не вполне осознанной современными историками. Эту проблему можно было бы сформулировать следующим образом.

Действительно, со времен позднего средневековья для европейского сознания именования “турецкий” и “мусульманский” были полными синонимами. Однако насколько полно мы можем их отождествлять в наши дни? Ислам, как надэтническая вероисповедная система, видоизменял и до определенной степени унифицировал массы верующих, но он никак не отменял своеобразия тех культурных единиц, которые вступали в его поле. Следовательно, необходимо уяснить, каковы были особенности собственно тюркского культурного субстрата, как они отразились на отношениях тюрков с византийским миром, в отличие, скажем, от отношений с Византией арабо-мусульманского и ирано-мусульманского культурных типов? Иными словами, в чем выразилось действие в истории собственно тюркской духовности?

Не решаясь сейчас дать развернутый ответ на эти вопросы, отмечу только, что в особенностях тюркского цивилизационного субстрата и следует, вероятно, искать решение проблемы, почему именно тюркам удалось одержать

победу над высокоразвитой византийской цивилизацией, которая так и осталась вожаемой, но недоегаемой добычей для Сасанидского Ирана и арабов, в культурном и военном плане намного более умудренных и зрелых, нежели турки XI–XV вв.

Во-первых, Ислам нельзя рассматривать как нечто генетически присущее именно туркам. Носители тюркской культуры, некогда исламизированные преимущественно усилиями таджиков, в XX в. в поисках собственной культурной идентичности стали тяготиться господством Ислама и сопутствовавшими ему культурными коннотациями ирано-арабского происхождения и, в конце же концов, они устремились за пределы исламского мира. Начиная с республиканской кемалистской революции в Турции и типологически сходных секуляризаторских тенденций в тюркских землях под властью России турки постепенно дистанцируются от мусульманства как от чуждой и навязанной им системы ценностей, приверженность к которой носила у них относительный, исторически обусловленный характер¹³. Во-вторых, обозначая генетические предпосылки византийско-тюркских культурных отношений, М. Баливе почему-то начинает их с эпохи Омейядского и Аббасидского халифатов. Если уж говорить об истории связей между византийской цивилизацией и арабским Исламом, то начинать ее необходимо с эпохи возникновения мусульманства, по крайней мере со времени пророка Мухаммада, и последующего распространения мусульманства в Средиземноморье¹⁴.

Не следует также забывать, что мусульманство оформлялось как религиозная доктрина и цивилизационный тип именно на *византийских территориях*,

а посему восприняло византизм не столько в акте “культурного взаимообмена”, сколько на уровне генетическом, в результате прямого культурного наследования.

М. Баливе обходит также и другую проблему. Представляется почти самоочевидным, что византийское сознание использовало для выработки своего отношения к могущественным империям Ближнего и Среднего Востока генетически более древние модели, восходящие ко времени греко-персидских войн, Персидского похода Александра Великого, открывшего эпоху эллинизма, и далее римско-парфянского и римско-сасанидского соперничества. Память об этом жила в сознании византийцев (коль скоро они продолжали переписывать и цитировать древних историков). Возникновение исламской арабо-иранской государственности в смежных с Византией областях и в ее южных и восточных провинциях было в глазах византийцев лишь очередным актом извечного соперничества греков и римлян с “Восточной Державой”. Рождение Ислама как мировой религии по праву представляется для современного сознания значительным рубежом во всемирной истории, но вряд ли оно выглядело таковым в глазах византийцев. Для них была важна скорее военно-политическая сторона события: “Восточная Держава”, повергнутая в прах императором Ираклием в ходе византийско-персидской войны 604–628 г., благодаря мусульманству (которое, кстати сказать, нередко квалифицировалось греческими теологами лишь как одна из христианских ересей, восходящих в арианству) перешла от персов к сарацинам и вновь угрожала империи.

Интересно, что древнейшие корни греко-персидского и римско-персидского противостояния между Византией и Востоком осознавались не только византийцами (привычно именовавшими тюрков-сельджуков “персами”¹⁵), но и

¹³ Подробнее об этом см.: Choukourov Ch., *Choukourov R. Peuples d'Asie centrale*. P., 1994 (русский вариант книги: Шукуров Ш., Шукуров Р. Центральная Азия: опыт истории духа. М., 1996).

¹⁴ См., например, старую, но не потерявшую до сих пор значения монографию, Andrae T. *Der Ursprung des Islams und das Christentum*. Uppsala; Stockholm, 1926.

¹⁵ См., например: Lehmann B. *Die Nachrichten des Nicetas Choniates, Georgios Akropolites und Pachymeres über die Selçuken in der Zeit von 1180 bis 1280 n. Chr.* Leipzig, 1939. S. 14.

самими анатолийскими тюрками, которые в какой-то момент стали идентифицировать свои государственные образования с Сасанидской империей.

Особенности этого осознания самым причудливым образом отразились в XII–XIII вв. в нумизматике восточно-анатолийских и сирийских тюркских эмиратов, которые начали чеканить копии сасанидских монет и вообще широко использовать древнеиранскую символику на своих монетах¹⁶. Нумизматика отразила некую общую историософскую идею, разделявшуюся их правителями. Подобные примеры самоидентификации тюрков с древним Ираном можно умножить¹⁷. Как мы видим, Ислам и арабское наследие тут не причем, напротив, наблюдается отчетливая ориентация на доисламские иранские зороастрийские, почти “языческие” образцы,

относящиеся скорее к сфере идеологии универсальной империи.

Другими словами, столь информированный и скрупулезный исследователь, как М. Баливе, не мог не знать о приведенных выше фактах и связанных с ними противоречиях¹⁸ (хотя следует отметить, материал вспомогательных исторических дисциплин – эпиграфики, нумизматики, сфрагистики – в книге использован явно недостаточно). То, что они оказались за пределами его концепции, указывает, на мой взгляд, на некоторую непроработанность избранной интерпретационной стратегии, логическую незавершенность ее элементарной понятийной структуры.

И последнее. Как нам уже приходилось писать¹⁹, иногда создается впечатление, что автор, увлекаясь идеей компромисса между враждебными культурными субстратами, иногда забывает о весьма простых вещах. Во всем комплексе проблем, связанных с византийско-тюркскими взаимоотношениями, можно выделить две самоочевидные аксиомы. Во-первых, все многообразие фактов взаимоотождествления греческого и тюркского элементов для греческой стороны явилось результатом *вынужденного и нежелательного приспособления* к внезапно изменившимся условиям, которые носили однозначно разрушительный характер для традиционных форм жизни автохтонов. Во-вторых, проблема греко-тюркского взаимодействия должна быть оценена в контексте ближайшей исторической перспективы, которая однозначно указывает на то, что главнейшим результатом византийско-тюркских контактов явилось исчезновение самой Византии как цивилизационного феномена: было бы слишком рискованной и несправедливой натяжкой перетолковывать этот неоспоримый факт гибели цивилизации как некую метаморфозу Византии в новом тюркском/турецком образе. Концепция

¹⁶ Такого рода монеты (так называемые “туркменские”) – широко известны и не редки, будучи неизменной частью любого значительного собрания восточных монет (например, см.: *Spengler W.F., Sayles W.G. Turkoman Figural Bronze Coins and their Iconography. Vol. 1–2* (в печати); *Broome M. A Handbook of Islamic Coins. L., 1985; Hennequin G. Bibliothèque Nationale. Catalogue des monnaies musulmanes. Asie pré-Mongole. P., 1985* и др.). Тут я опираюсь на небогатую, но вполне репрезентативную бирмингемскую коллекцию “туркменских” монет (Barber Institute of Fine Arts, University of Birmingham, UK), фотокопии которых оказались у меня под рукой благодаря любезности Нубара Хампартумяна, хранителя коллекции монет и печатей Барберинского института. Среди них можно упомянуть копии сасанидских монет Шапура II, воспроизведенные артукидом Кутб ал-Дином II Сокемом (правителем Кайфы в 1185–1200 гг.), монеты со Львом и Солнцем, древним символом Ирана, которые в XIII в. чеканились Сельджукидами Рума и хулагуидами Улджайту (1304–1317) и др.

¹⁷ См.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968. P. 152–153, 216, 238, 248–260, 369–370*. Можно вспомнить в этой связи и реанимацию персидских царских имен из иранского эпоса “Шах-наме” в родовых именах сельджуцких султанов Рума, о чем нам уже приходилось писать (*Shukurov R. AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // BMGS. 1995. Vol. 19. P. 176–178; Idem. Three Lives of One Prophecy // The Humanities in Russia: Soros Laureates (Psychology, History...), Moscow, 1997. P. 87–91*. Русский вариант последней работы: *Шукуров Р. Три жизни одного прорицания // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология... М., 1996. С. 168–178*).

¹⁸ Ср. его маргинальные упоминания об иранском субстрате представлений на с. 12, 40, примеч. 66, 51.

¹⁹ См.: *Шукуров Р.М. Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ. 1998. Т. 58. С. 49*.

Сп. Вриониса в этом смысле более лаконично и точно обрисовывает эту конечную суть греко-тюркской встречи как исторического феномена.

Вместе с тем, монография М. Баливе, будучи блестящим образцом высокопрофессиональных исследований французской исторической школы, представляет собою самое значительное явление в византийско-тюркских штудиях последних десятилетий. Нет сомнений, что благодаря всеохватной эрудиции, зрелому мастерству анализа обширного материала, концептуальной оригинальности и в то же время скрупулезности и научной добросовестности в частных деталях – эта книга встала в один ряд с классическими трудами Кл. Каэна по истории сельджуков Рума и уже упоминавшимися работами Сп. Вриониса.

* * *

Несмотря на все различия методологического характера и авторской исследовательской манеры, обе монографии имеют много общего между собой. Авторы обеих книг, отнюдь не

чужаясь фактографии и исчерпывающей каталогизации сведений по предмету, стремятся к теоретическому осмыслению темы межкультурного контакта. Причем, оба они, так сказать, “интериоризируют” проблему, стараются описать те ментальные формы, те проявления индивидуального сознания, в рамках которых, собственно, и происходила встреча разных культурных традиций. Цивилизации встречаются не в географическом пространстве, но в человеке.

Наконец, оба автора сумели выйти за пределы бесплодных поисков “заимствований”, не редких в исследованиях о межкультурных контактах. Простая констатация “заимствования” мертва и часто даже ложна: “заимствование” – это всего лишь отдельный, частный знак масштабных подспудных трансформаций в культуре, вызванных ее контактом с Чужим. Таким образом, обе монографии явились отрадным признаком углубления и усложнения исследовательских подходов в современной науке о Византии и Переднем Востоке.

Р.М. Шукуров

B r e d e n k a m p F. *The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242).* Thessaloniki, 1996. 295 p.

Рецензируемый труд Ф. Бреденкампа, ученика проф. Б. Хендрика, является первым монографическим изданием по истории Фессалоникийской империи, одной из четырех империй, образовавшихся после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Написанная и защищенная в качестве докторской диссертации в Африканском университете Йоганнесбурга (1983 г.), работа в полном объеме¹ вышла в свет только через

13 лет в серии исторических изданий городского Совета Фессалоники. К сожалению, при подготовке к изданию автором не было внесено существенных дополнений, которые бы учитывали новейшие исследования по данной теме. Это безусловно несколько снижает научную ценность работы.

После трудов Д.М. Найкла, Н. Бес, А. Карпозилоса, Г. Принцинга и др. по истории Эпирского деспотата, в которых в той или иной мере рассматривается и история Фессалоникийской империи, Ф. Бреденкампу предстояло, опираясь на весь известный материал источников и исследования предшественников, дать целостную картину образования, кратковременного существования и гибели Византийской империи на Балканах в первой половине

¹ Небольшая часть работы была опубликована вскоре после защиты: *Bredenkamp Fr.* The Development of an Imperial Political Constitution for the Empire of Thessaloniki under Theodore Doukas // *Εκκλησιαστικός Φάρος*. 1983, 65. Σ. 75–129; *Idem.* The “Sampson Incident” (ca. 1215) and the Deterioration of Epirote – Nicaean Orthodox Ecclesiastical Relations // *Βυζαντικά*, 1984, 4. P. 9–31.